

Марина САЛЬТИНА родилась в Казани. Окончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета и режиссёрский факультет ГИТИСа (курс профессора М.О. Кнебель). Режиссер, актриса, педагог, писатель. Член Союза театральных деятелей и Союза писателей России. Автор книг «Опаловый флакон Пенелопы», «Поезд на Монтеррей», «Слеза Европы», «Бедный Юрик», «Компот из детства». Произведения Марины Сальтиной публиковались в журналах «Наша улица», «Казань», «Меценат и мир», «Грани», «Московский Парнас», «Аргатак — Татарстан», «Лесной орех», «Российская литература».

ГДЕ ЛУЧШЕ?

Анне Кадыковой

— Люсь! А, Люсь! Да не ходи ты больше на эти родительские собрания. Ты после них сама не своя. Лёшка твой учится нормально, хулиганит не очень. Ну, что нового ты там узнаешь? А если деньги опять будут собирать, Лёшка скажет.

Люся вздохнула. Настроение у неё было неважное.

— Пойдём к нам, — теребила Тома подругу. — Кофейку попьём.

Тома подмигнула:

С коньяком, а?

Люся кивнула.

...Они сидели у Тома на кухне, и Люся рассказывала:

— Представляешь, раньше у них в школе не было звонков. А у преподавателей часы шли по-разному. В конце урока учителя врывались друг к другу и, потрясая своими часами, требовали отпустить класс. Теперь у них звонки. Музыкальные.

— Так это хорошо, — одобрила Тома.

Люся покачала головой:

- Только музыка-то — «Мурка».
- Какая такая «Мурка»? — не поняла Тома.
- А вот такая, — буркнула Люся и пропела, — «Там сидела Мурка в кожаной тужурке» и так далее. Хорошо хоть, без текста.
- Вау! Вот дураки! — Тома пожала плечами.
- Люся укоризненно посмотрела на подругу:
- И ты — как они теперь? «Вау».
- Не сердчай. Я пытаюсь соответствовать сыну. Чтобы не терять с ним общий язык, так сказать. Так тебя только «Мурка» расстроила?
- Не только, — продолжала Люся. — Дети матом ругаются. И родители странные какие-то. Два папаши на собрании скандалили с учительницей, что их отпрыскам плохие отметки поставили. Тогда она спросила у одного папаши, сколько слогов в слове «дуб», а у другого — в слове «пень». Так первый сказал, что в слове «дуб» три слога.
- Как это три?
- Как-как, — передразнила Люся, — три: Д, У, Б. А второй в слове «пень» насчитал...
- Пять? — предположила Тома.
- Семь!
- Это как? — фыркнула Тома.
- А он пошёл к доске, написал слово, все буквы зачем-то разделил вертикальными чёрточками и сосчитал буквы вместе с этими чёрточками.
- Ничего себе! — веселилась Тома.
- А ещё один папаша всё время умничал и по поводу чего-то с важным видом сказал: «Это — *отговорочка по Фаренгейту*».
- Тома хохотала:
- Как у вас весело! Ну, подумаешь, спутал человек Фрейда с Фаренгейтом.
- Люся подперла щёку рукой:
- А кто-то написал в сочинении: «Миссисипи — сердце России». Я вот думаю, может, Лёшку в другую школу перевести? Тут у нас в районе какая-то Школа юных дарований есть. Как считаешь, сходить на разведку? Или в интернете поглядеть?
- А я узнаю, — пообещала Тома. — У меня одна клиентка как раз там работает. На днях должна на стрижку прийти.
- Люся слегка приободрилась.

..Через несколько дней подружки опять сидели на кухне, и Тома делилась полученной информацией.

Клиентка преподавала немецкий язык и вела факультатив по страноведению.

«Юные дарования» её огорчали. Когда она попросила назвать великих деятелей немецкой культуры, только один назвал несколько имён, двое — группу «Раммштайн», остальные промолчали. На факультативе «дарования» делали доклады. И вот один рассказывает про братьев Гримм, а двое в конце класса намазали стол шоколадкой и приманивают муху. К концу урока они всё-таки её приманили, поймали и засунули под цветочный горшок. А докладчик в конце своего сообщения спросил, есть ли в Германии народные сказки.

Ловцов мухи пришлось со скандалом заставлять отмывать испачканный стол. Они вопили, что детский труд в стране запрещён. Привели в пример Екатеринбург, где ещё несколько лет назад прокуратура запретила школьникам убирать классы, вытирать пыль и даже поливать цветы.

— А что с мухой? — спросила Люся.

Тома засмеялась:

— И я о том же спросила. А с мухой вот что. Через неделю другое «дарование» делало доклад о Ницше, а ловцы мухи вдруг вспомнили о ней и подняли цветочный горшок. Ну, от мухи, конечно, — рожки да ножки, то есть лапки и крылья.

Подружки пили кофе, и Тома продолжала рассказывать:

— Вот изучают они Священную Римскую империю, до-о-олго так изучают. И вдруг кто-то, глядя на карту, спрашивает, что это, дескать, за клякса фиолетовая слева от Германии. Французская революция у них началась в 1152 году. Мартин Лютер жил в XI веке. По поводу Гутенберга мнения разделились: одни считали, что он — музыкант, другие — что писатель. А Магадан у них знаешь, где находится? В Пруссии.

Далее Тома поведала, что «дарований» возят за границу на ознакомительные экскурсии для повышения культурного уровня. За счёт родителей, конечно.

Так вот, одно «дарование» купило где-то там на рынке нож и кастет и носилось с ними, как с писаной торбой. Пошли в музей. Так этот хмырь свои богатства закопал, чтобы на входе не отобрали. А после экскурсии долго искал, где закопал, и откапывал. На границе всё равно отобрали.

А другое «дарование» привезло черепаху.

- Тоже отобрали на границе? — поинтересовалась Люся.
- Как бы не так! — хмыкнула Тома. — Оно же — «дарование»! Сообразило. Купило медный чайник и спрятало черепаху туда. Чайник ведь не просвечивается.
- Какой молодец! — восхитилась Люся.
- Так что неизвестно, где лучше, — Тома закончила делиться информацией. — Может, лучше «Мурку» слушать, чем мучить мух и черепах? И Лёшка — как он без своих друзей будет? В общем, думай.
- Люся подумала, что к извечным вопросам русской интеллигенции «Что делать?» и «Кто виноват?» прибавился ещё один — «Где лучше?».

СОЗЕРЦАНИЕ ПРОЦЕССА

- Эй! Руки прочь от моего кроссворда! — возмутился Володька, возвращаясь на кухню. — Брысь!
- Бр-р-рысь! Бр-р-рысь! — проскрипел с форточки попугай Петруша.
- Ох-ти, ох-ти, развоевался, — проворчала баба Клава, не отрываясь от штопки носка.
- Клава, педилантус ты мой титимолоидный, почему не охраняешь моё имущество? — продолжал возмущаться сосед.
- Не приставай, — проворчала баба Клава.
- Не пр-р-риставай! Не пр-р-риставай! — поддержал хозяйку попугай Петруша.
- Всё, Лялька, уходи с моего места и оставь в покое мой кроссворд, — сказал Володька. — Поставь лучше чайник.
- Да я ничего и не успела разгадать, — оправдывалась Лялечка. — Только заглянула.
- Вот и не заглядывай, — и Володька углубился в кроссворд. — Чайник поставила? Ну, иди к своему компьютеру.
- Да он у меня завис, — вздохнула Лялечка.
- Кстати, Клава, ты всё ругаешь меня за курение на лестнице. А я тебе могу сказать о пользе курения.
- Ну?
- Я вот сейчас пошёл покурить и вора спугнул.
- Ето как? — баба Клава оторвалась от штопки носка и посмотрела на соседа.

— А вот так. Стою, курю. Слышу, кто-то в подъезд вошёл. Я заглянул через перила. Вижу, какой-то мужик в кепке поднимается. Не наш. Может быть, к кому-то в гости. Но почему-то тихо-тихо так идёт. Смотрю, а он к двери Петровых подошёл, оглянулся и ключом пытается дверь открыть. Ну, думаю, вор. Я ему крикнул: «Эй, мужик, тебе помочь?» Он вздрогнул, кепочку поглубже надвинул и бежать. Вот так.

— Ну, и хорошо, и баба Клава вернулась к своему занятию.

— Хор-р-рошо! Хор-р-рошо! — похвалил Володьку попугай Петруша.

— Так что я, как теперь говорят, «полицейсман», — похвастался Володька.

Лялечка присела к столу:

— А то это за слово? Вроде буквы есть, а угадать не могу.

— Какое?

— Да вот это, — Лялечка ткнула пальцем в кроссворд. — «Химическое соединение углерода с другими элементами».

— Посмотри в интернете, — отмахнулся сосед.

— Говорю же — завис.

— А я тебе что — словарь?

— Ну, Володя, — заныла Лялечка, — ты же всё знаешь.

— Знаю. Это карбид.

— Что-то знакомое, — наморщила лоб Лялечка.

Володька уставился на соседку:

— Неужели не знаешь?

Лялечка помотала головой.

— Ну, ты даёшь! — засмеялся Володька. — Это такая штука, по виду похожая на соду. Если его кинуть в лужу, он шипел, дымил, лужа кипела. И чем-то остро пахло. Мы этот карбид тырили на стройках, чтобы бросать в лужи и, так сказать, созерцать процесс шипения, дымления и кипения. Ну, это было, когда я ещё в школе учился. В последний раз я о нём слышал в фильме «Большая перемена». Там парень сказал учителю, что принёс в школу карбид и сунул под воду.

Лялечка фыркнула:

— Что такого интересного в созерцании процесса кипящей и дымящей лужи?

— Ну, то же, что в созерцании процесса поджигаемого тополиного пуха или жевания вара.

Лялечка пожала плечами:

— Это вы в детстве так убого развлекались?

— Р-р-развлекались! Р-р-развлекались! — подтвердил попугай Петруша.

— Но-но! — Володька погрозил пальцем. — Попрошу не оскорблять моё счастливое советское детство! Между прочим, телевизоры-то тогда мало у кого были. И жвачку из всяких там европ-америк ещё не завезли. Зато мы общались и постоянно бывали на природе, то есть, конечно, на улице. Нынешние-то дети без мобильного и общаться не умеют. А эти *сэлфи*? Скажи, какая такая радость — фоткать себя, любимого, выкладывать в сети на всеобщее обозрение и ждать *лайков*? Это — не убогое развлечение? Прямо не люди, а какие-то *викиоты*. А страдают нынче знаешь от чего?

— От чего?

— От *фейсбучной депрессии* и *мирозлобия*! Надо же!

— Чего ты заводишься? — примирительно сказала соседка.

— А чего ты *гуглопытничаешь*? — огрызнулся Володька.

— Ну, не хотела я твоё счастливое советское детство обидеть, — Лялечка уже корила себя за длинный язык.

— Ладно, мы с моим детством вовсе даже и не обиделись. А карбид — он не только в луже шипит и дымит.

— А где ещё?

— В кармане, — засмеялся Володька.

— В кар-р-рмане? В кар-р-рмане? — удивился попугай Петруша.

— Ето как? — баба Клава опять оставила своё занятие и посмотрела на соседа поверх очков.

— Нальёте чаю — расскажу, — опять засмеялся Володька. — Вон чайник уже дымит и кипит.

Лялечка вскочила и захлопотала у стола.

— Ну так вот, — Володька отодвинул кроссворд и отхлебнул из своей большой кружки. — Был у нас в классе такой Шурик — двоечник и хулиган. Однажды он притащил карбид в класс. В кармане. Заранее запасся, чтобы сразу после уроков лужу поискать. А карбид возьми и задымись. Видать, нога у Шурика вспотела.

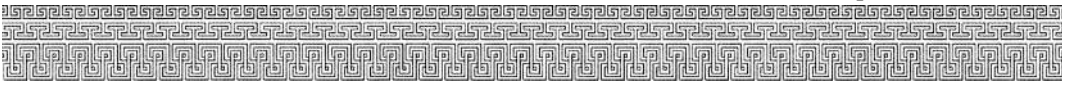
— Прямо в кармане? — ахнула Лялечка.

Володька кивнул.

— В кар-р-рмане! В кар-р-рмане! — в восторге заорал попугай Петруша.

— Представляешь, сидим мы на уроке. Вдруг Шурик вскакивает, из кармана штанов у него дым идёт. А сам Шурик прыгает по классу, руками машет — ну, как курица крыльями хлопает и вопит благим матом.

И Володька показал, как Шурик прыгал и махал руками.

— Да тихо ты! Чай спрокинешь, — предостерегла баба Клава.

— Спр-р-рокинешь! Спр-р-рокинешь! — присоединился к хозяйке попугай Петруша.

— А дальше что? — не отставала Лялечка.

— Ну, набежали тут директор, завуч, медсестра. Шурика вытащили из класса, «скорую» вызвали и увезли беднягу в больницу.

— Володя, а сейчас можно карбид достать?

Володька пожал плечами:

— Не знаю. А тебе зачем?

Лялечка зажмурилась и улыбнулась:

— Хотелось бы приобщиться к созерцанию процесса.

Володька вздохнул:

— Нет, Лялька, думаю, всё в прошлом: вар, тополиный пух, карбид в луже.

И наше счастливое советское детство. Процесс ушёл.

Попугай Петруша посмотрел на Володьку и ничего не сказал.

